

О критике в творческом коллективе

В красном театре имени А. С. Пушкина несколько дней идет новый спектакль «Вей, ветерок». В этой лиричной, густой для постановки пьесе латышского поэта и драматурга Яна Райниса заложен глубокий социальный смысл. Построенная на мотивах народной песни, колоритно отражающая быт латышского народа, она символична по своему названию. Автор написал ее в 1913 году, когда после тяжелой, черной реакции царизма, задушившего революцию 1905 года, в массах зрело сознание новой, надвигающейся революционной бури. Ян Райнис, не только как поэт и драматург, но и как крупнейший общественный деятель, участник латвийского социал-демократического движения, в своем творчестве, особенно в ранний и послереволюционный его период, был выразителем самых заветных дум и чаяний латышского трудового народа. Эти мотивы нашли свое отражение и в пьесе-песне «Вей, ветерок».

«Вей, ветерок» — это призыв к новому, пусть еще неведомому и неосознанному, но светлому будущему. Пьеса насыщена большим социальным протестом, жизнеутверждающей силой. Таков замысел автора. В спектакле же на первый план выдвинута сугубо бытовая, любовная драма. Значит, идея спектакля решена неправильно. Почему это произошло? Может быть, актеры не поняли основной идеи пьесы и не справились с нужной трактовкой данных им ролей? Нет, все дело (и кстати, не с первым спектаклем) заключается в том, что руководители театра, его директор т. Подольский и главный режиссер т. Смирнов, оторвавшись от коллектива, поставили превыше всего свой личный престиж и не только не желают прислушиваться к голосу актеров, но с высокомерным пренебрежением глушат малейшее критическое замечание.

Все это наглядно, неопровержимо показало обсуждение спектакля «Вей, ветерок» при его приеме после сдаточной репетиции. Достаточно было по-

слушать выступления актеров, чтобы понять, какая тяжелая атмосфера сложилась в театре. С большим, как видно, давно наболевшим волнением артисты тт. Олейник, Виноградова, Аркадьев, Приветова, Сиротина и другие рассказывали, в каких муках рождался этот спектакль.

— Нас задержали до того, — сказала артистка А. Олейник, — что мы возненавидели этот спектакль, отказывались играть в нем. Мы прекрасно понимали, что делаем не то, что нужно. Мы говорили, что на сцене пьеса лишается социального звучания и приобретает лишь бытовой характер, но нас не слушали.

Артист Аркадьев прямо заявил: — Работать в таких условиях, когда исклещается всякая творческая обстановка, когда руководство театра совершенно не считается с мнением актеров, дальше невозможно.

И даже на этом, не закрытом, а проходившем в присутствии представителей общественности совещании главный режиссер т. Смирнов тут же дал грубую отповедь артисту т. Аркадьеву. Такая реакция т. Смирнова на критику не случайна. Он главный виновник всей неприглядной истории с этим спектаклем.

Постановка пьесы «Вей, ветерок» была поручена приехавшему в театр на практику молодому режиссеру-дипломанту т. Чистякову. Он сам не разобрался как следует в ее содержании, не понял главной идеи пьесы, как говорят, неправильно прочел ее и дал неверную экспозицию актерам. К неопытности прибавилась безответственность: вместо кропотливой работы над собой и над спектаклем, т. Чистяков неправильно повел себя. Работа большого коллектива актеров была пущена на самотек. Никто не думал о художественном и музыкальном оформлении спектакля. Навероятно, но факт: репетиции пьесы-песни шли... без музыки.

Актеры тяжело переживали все это

(было обидно не только за свой напрасный труд, но прежде всего за честь театра). Они говорили, что дирекция допустила грубую ошибку, поручив такую сложную пьесу молодому режиссеру, просили вмешательства главного режиссера. Но и после этого т. Смирнов не изменил своего хладнокровного отношения к спектаклю.

Наконец, созвали производственное совещание. Было оно необычайно бурным, как повествует об этом даже сухой протокол. Выступили почти все актеры. Они высказали свои замечания и предложения детально по каждому образу пьесы, предъявили справедливые требования и большой счет руководству театра. Актеры прямо говорили, что главный режиссер равнодушно отнесся к их работе, с нежеланием взялся за исправление ошибок. Было сказано также, что т. Подольский подошел к этой новой постановке делачески, лишь бы выполнить кассовый план.

Как же отнеслись ко всему этому тт. Смирнов и Подольский? Что изменилось после производственного совещания? Директор т. Подольский справедливые замечания в его адрес называл «очень туманными» и порекомендовал критиковавшим его актерам «более самокритично подходить к себе». Главный режиссер т. Смирнов в заключительном слове заявил, что «спектакль — не аварийный», а «просто большой и ему надо помочь», но «не этим совещанием». Затем он говорил о необходимости «четко определить все линии поведения актеров». Но как «определить», что сделать для исправления ошибок, для правильной обрисовки роли? Ясных, исчерпывающих пояснений, как положено главному режиссеру и как того ждали артисты т. Смирнов не дал. Варьируя одними и теми же словами («трагедийность», «ослабление», «обытовление» и т. п.), он сказал лишь в общих чертах, что актеры «берут не те краски, какие нужны для образа», что «еще сильнее

надо вести тему любви». Помяту было только одно: т. Смирнов еще раз подчеркнул, что пьесе надо играть как бытовую мелодраму.

Волнение страстей оказалось напрасным. Вскрытые недостатки снова обсуждались на приемке спектакля. И снова напрасно.

Так же было и с юбилейным спектаклем «Ревизор». Как известно (это отмечала уже наша газета), этот спектакль не блистал высоким художественным качеством, его выпустили с большими серьезными недостатками. В нем отсутствовало главное зерно — тонкая, бичующая гоголевская сатира, не было главного действующего лица — гоголевского смеха. Пошлый, продажный чиновный мир самодержавной России, с непревзойденным мастерством парисованный великим писателем-реалистом, на сцене получил очень легкое, веселое, утрированное воплощение, не вызвавшее ни гнева, ни осуждения.

Произошло это также по вине руководителя театра и, в частности, главного режиссера т. Смирнова. Приступая к подготовке такого ответственного спектакля (он ставился к 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя), руководители театра не устроили для актеров ни одной лекции или беседы о творчестве великого русского художника слова, не обеспечили должной организации самих репетиций. Они проходили ненормально. 15 репетиций длилась «раскачка», а потом началась спешка, «штурмовщина». Не было продуманной расстановки актеров.

Обо всем этом участники спектакля своевременно сигнализировали дирекции театра. Безрезультатно. Потом, только под большим нажимом, созвали все-таки единственное производственное совещание. Актеры с жаром обсуждали недостатки, вносили конкретные предложения как их исправить, вплоть до замены отдельных исполнителей. А чем все это кончилось? Главный режиссер и постановщик «Ревизора» тов. Смирнов, отвергая все замечания, заявил, что в спектакле все в порядке, а устроителю совещания — руководителю производственного сектора

местному — сказал буквально следующее: «Вы еще мелко плаваете, чтобы разбираться в ошибках!». И все осталось без исправлений.

Кроме разбора спектаклей, на производственных совещаниях не раз поднимались вопросы о необходимости организовать в театре профессиональную учебу по повышению мастерства актеров, особенно молодых, об освоении творческого наследия великого русского актера и режиссера К. С. Станиславского. Ничего не сделано. Говорили о плохом оформлении и организации выездных спектаклей, о самовольном вымарывании текста, а иногда и целых актов пьесы. Например, на Красноярском ДЮКе спектакль «Последняя жертва» «уложили» в 4 акта вместо 5. Ко всему этому директор театра т. Подольский остается глух и нем.

Эти наблевшие вопросы обсуждались и на партийном собрании. Одно из них, состоявшееся в апреле текущего года, было посвящено вопросу критики и самокритики. Секретарь парторганизации т. Прозоров в своем докладе и коммунисты, выступавшие в прениях, указывали, что критика и самокритика не находят места в практике творческого коллектива. На собрании были вскрыты и причины этого, по меньшей мере, странного для нашей действительности явления.

Опираясь фактами, коммунисты говорили, что руководители театра тт. Подольский и Смирнов не прислушиваются к голосу актеров, стремятся обойтись без критики и самокритики, скрыть свои ошибки, уйти от открытого обсуждения наблевших вопросов.

Коммунисты критиковали руководителей театра за то, что они либерально относятся к нарушителям трудовой дисциплины, не ставят вопросов о повышении творческой дисциплины на репетициях, об этических нормах поведения актера. Необходимость в этом есть, и большая. За последнее время участились факты нарушений трудовой дисциплины. Оставленный без должного руководства и внимания коллектив актеров не чувствует творческой удовлетворенности.

Партийное собрание приняло реше-

ние, направленное на устранение вскрытых недостатков. Но они живут, как жили. Коммунисты тт. Смирнов и Подольский не выполняют решения партийного собрания, а партийная организация расписывается в своем бессилии призвать их к порядку.

Нельзя умолчать и о позиции начальника краевого отдела по делам искусств т. Шишкина. Он хорошо знает о сложившейся за последнее время издоровой обстановке в театре, но проявляет к его руководителям какую-то удивительную мягкотелость. Тов. Шишкин обычно соглашается со всеми замечаниями по спектаклям, во время их приемки ругает тт. Подольского и Смирнова за недоработки, признает необходимость исправления недостатков. Но на том все и кончается. После обсуждения, а иногда и до него (как было со спектаклем «Вей, ветерок») т. Шишкин с легким сердцем подписывает разрешение на спектакль и уже не требует никаких переделок, с которыми сам же соглашался на совещании. Спектакль идет без всяких исправлений.

Товарищ Сталин учит, что критика и самокритика являются законом нашего развития, решающим средством преодоления недостатков, пережитков старого, отмирающего, что мешает нашему движению вперед. Это с особой силой относится к театру — организации творческой, призванной средствами искусства помогать нашей партии в коммунистическом воспитании трудящихся.

Театр — очень важный и острый участок идеологического фронта, активный проповедник нашей новой советской морали, обновляющей человека, поднимающей его духовную культуру. И здесь, более чем где-либо, нетерпимы застои и рутинизм, необходимы постоянное творческое горение, держание, поиски новых, все более совершенных художественных форм, наполненных высоким идейным содержанием, постоянное повышение творческого мастерства актеров. Достичь всего этого можно только путем критики и самокритики, которой так не хватает нашему театру.

Е. БОГДАНОВА.